

*Посвящается матери,
которая научила меня быть сильной,
и всем безруким девочкам,
которые учатся сами.*

Глава 1

Я стою вся в крови.

А он валяется у моих ног. Избитый до полусмерти. Ботинки испачкала. Хочу видеть его глаза, но они закрыты, прячутся под бледными веками.

Изо рта густыми белыми клубами вырывается дыхание. С каждым вдохом все отчетливей приходит осознание, что так, видимо, и должен чувствовать себя человек, который владеет чьим-то телом или душой.

Наверное, так чувствовал себя Пророк, когда велел отнять у меня руки.

Наверху по мосту с металлическим лязгом несется машина. В желтом свете фонарей падают снежинки размером с ноготь. В темном небе мерцают одинокие звезды. Хорошо бы положить снежинку на ладонь... маленькая, я часто так делала. Только мне уже не пять лет, и рук у меня больше нет. Та девочка считай что умерла.

Я сажусь в сугроб на корточки и гляжу, как самый красный цвет на земле понемногу зарастает льдистой коркой. Становится вдруг очень холодно. Холоднее, чем в самый морозный день. Холоднее, чем когда-либо в жизни.

Глава 2

Подъезжают полицейские. Белесые размытые фигуры — призраки, затянутые в тугую синюю униформу. Лиц не разобрать. Порой я выхватываю из темноты то нос, то глаза, но черты тут же размываются, и лишь хриплые голоса дерут рассветную дымку. Изувеченного юношу запихивают в машину «Скорой помощи», и та с визгом уносится.

Полицейские хотят надеть мне наручники... не выходит. Я прикусываю губу — металл больно царапает тонкую розовую кожу.

— Нам обязательно ее заковывать? — ворчит один коп.

— Ты видел, что она сделала? — отвечает второй. — Парня будто катком переехали.

— А ее ты видел?

Да, посмотрите на меня. На руки, скрещенные на животе, — а на концах у них ни ногтей, ни пальцев, ни кулаков, ни кистей. Мне нечем дать отпор. Полицейские пялятся на штаны и драную рубаху, которые дал Джуд. Одежда до самого верха заляпана кровью.

В конце концов мне сцепляют наручниками локти, едва не вывернув их из суставов. Но я не жалуясь. Я вообще молчу. Наговорила в своей жизни уже больше положенного.

Глава 3

Город я впервые вижу из окна патрульной машины. Гляжу сквозь залапанное пальцами стекло, как солнце выглядывает из-за усыпанных снегом домов.

— Молись, чтобы он выжил, — говорит один полицейский, и я снова вижу перед собой парня с расквашенным лицом и выбитыми зубами.

В крови до сих пор гудит адреналин.

* * *

В полицейском участке деревянные стены и грязная плитка. А еще пахнет горелым кофе.

Там обсуждают, как лучше снять у меня отпечатки пальцев.

— Без них нельзя. Как потом ее опознать?

Они с легкостью рассуждают о том, что мучает меня уже несколько месяцев, хотя я не смею признаться в этом вслух. Один начинает листать инструкцию — может, в ней что упоминается на сей счет, — другой засовывает каждый мой обрубок в чернильницу и прижимает к бумаге. Там остаются два кривых черных отпечатка.

— Наверное, в этом случае достаточно анализа ДНК, — говорит первый, отрывая взгляд от инструкции. Порывшись в ящике стола, достает клочок ваты, разматывает ее и сует мне под нос. — Плюй.

— Зачем вам мои слюни?

— Плюй, сказал!

Я собираю во рту всю влагу, что есть, и роняю на ватный комок. Полицейский упаковывает его в пластиковую коробочку с крышкой и кладет на край стола.

Вспышка фотоаппарата ярче любого костра; я закрываю лицо культиями. Меня чуть ли не воло-

ком тащат в соседнюю смотровую. Приоткрыв веки, вижу перед собой застеленную кушетку со стремянками возле кафельной стены. Рядом поднос с щипцами и плоским белым держателем. Темноволосая женщина берет меня за плечо и подталкивает к кушетке.

Я артачусь.

— Не переживай, — говорит та. — Это обычная для таких дел процедура.

Женщина опускает голову набок, и я вижу себя ее глазами: тощую, грязную, без рук, в одежде, пропахшей кровью.

— М-мне это не надо, — говорю я, старательно отворачиваясь от кушетки. — Ничего такого не было.

— Точно? — спрашивает та.

Под ее липким взглядом ужасно хочется чесаться. Внезапно разозлившись, я киваю.

Ей нужно сфотографировать мои синяки, поэтому она подводит меня к пластиковому ящику с одеждой мутно-грязного цвета, как вода для мытья посуды, и велит выбрать нижнее белье. Я достаю бежевые трусы. Они, конечно, стираные, но каким-то чудом еще хранят формы тех девушек, которые бывали здесь раньше.

За синей хрустящей занавеской с меня стаскивают брюки и рубашку, оставив голышом и босиком на кафельном полу. Никогда себя такой не видела — белой и с подтеками крови на коже. Не моей, хотя женщина этого не знает.

Они так и не сказали, умер тот юноша из-под моста или нет.

Женщина натягивает на меня трусы и надевает на грудь лифчик. Я невольно дергаю плечами — резинки непривычно давят. Она поднимает мои брюки, и на пол с глухим стуком вываливается содержимое кармана. Мумифицированная рука, суставы которой обмотаны золотой проволокой.

— Это еще что?! — ахает женщина.

Я поднимаю обрубок и показываю ей.

Она роняет челюсть. Даже морщины вмиг разглаживаются. Затем, опомнившись, женщина тут же нацепляет прежнюю маску равнодушия, совсем как люди в Общине, узревшие очередное зверство. Обычно мы старались не смотреть. Всегда находились дела поважнее: доить коров, готовить ужин, успокоить младенца, ором зовущего кого-нибудь из своих матерей...

Женщина залезает в другой карман, вытаскивает вторую руку и кладет обе на блестящий поднос.

— Мне их потом вернут?

Она снова искоса на меня глядит.

— Нет. Ни в коем случае.

— Почему?

— Это человеческие останки. Есть правила. — Она откашливается. — Их будут хранить как вещественные доказательства, а потом, когда надобность отпадет, утилизируют.

— То есть сожгут?! — Я давлось воздухом. Только не это! Так нельзя! Это же мои руки! Отдайте!

Я лезу мимо нее, чтобы их забрать.

Женщина сжимает пальцы в кулак и упирается мне в грудь.

— Не вынуждай меня применять силу.

Кожа вокруг губ у нее идет тонкими глубокими складками. Видя, что я больше не брыкаюсь, она берет поднос и выходит из смотровой. Когда возвращается, поднос уже пуст.

И тогда я понимаю, что не только Пророк способен отнять у девочки руки.

Глава 4

Когда меня снова выводят к патрульной машине, за рулем и на пассажирском сиденье уже сидят двое полицейских с сонными глазами. Они с громким хрустом жуют что-то незнакомое из яркого пакета. Держат его бережно, словно боятся сломать. А доев, сминают пакет с противным скрежетом и бросают прямиком на землю. Мы едем по заснеженным улицам к большому белому зданию — больнице, как мне сказали.

Там в смотровой доктор велит показать руки, но я прячу их за спиной, и одному из полицейских придется силой вытянуть мои культи под яркую лампу.

Доктор заметно мрачнеет. Обрубки до сих пор измазаны чернилами.

Меня укладывают спать и разрезают культи крохотными ножами, потом обматывают руки яркочелюстными бинтами, обещая в следующий раз за чем-то взять немного кожи с ноги. Затем, несколько дней спустя, меня снова режут, предварительно усыпив лекарствами из пластикового мешка с трубками.

Далеко не сразу я понимаю, что новые руки мне все-таки не сделают. Не получится, втолковывает

врач, будто глупой, а я отворачиваюсь, глядя в стену горящими глазами.

Маленькой я верила в чудеса. Теперь, наверное, уже нет.

* * *

Утром приходит женщина в сиреновом костюме. Она бросает портфель на линолеум в больничной палате и называется моим общественным защитником. Садится на краешек кровати и украдкой поглядывает на замотанные бинтом культы. Я под одеялом немного сдвигаю ноги, освобождая ей место.

— Меня зовут Хуанита, — сообщает адвокат. — А ты, видимо, и есть та самая Минноу Блай?

Я смотрю на нее краешком глаза.

— Я буду представлять твои интересы в суде. Следить, чтобы ты получала все необходимое, пока не перейдешь на следующий этап.

— Какой еще следующий этап? — спрашиваю я. — Тюрьма?

Про тюрьму я слышала. По словам Пророка, там полным-полно страшных людей, таких жутких, что даже язычники их боятся. Падших ангелов и еретиков, способных убить одним касанием.

Хуанита невесело улыбается.

— Давай не будем переживать раньше времени.

Она выводит меня на прогулку по больничному коридору. Я плохо чувствую под собой пол в мягких тапочках, которые выдали взамен украденных ботинок, и грудь уже на десятом шаге начинает гореть огнем. Не знаю, почему легкие не могут дышать. Из-за крови? Дыма? Или чего похуже?

Хуанита предлагает поддержать меня за локоть, но я качаю головой. Вместо этого приваливаюсь боком к стене возле большого пластикового окна, бережно выставив перед собой шарики из бинтов. В груди горит, руки трясутся. Снаружи, вдалеке, грязным облаком парит пепел. Словно над райскими кущами, куда больше никто не захочет попасть.

— Вот и все, что осталось от Общины, — говорит Хуанита. — Огонь уже потушили, но ветра зимой почти не бывает, поэтому дым развеется не скоро. Он тянется на много миль. Говорят, пропадет не раньше чем через месяц.

— А там... что-нибудь слышно про погибших? — спрашиваю я.

Хуанита поворачивается ко мне лицом.

— Пока нашли два тела, но все засыпано снегом. Продолжают поиски.

— Пойдемте, — говорю я.

И отталкиваюсь от стены, хотя легкие до сих пор горят огнем.

* * *

Медсестры дают мне морфин, и дни текут один за другим. Я замечаю у двери тень полицейского, сторожащего палату. Хорошо, что он такой здоровяк. Мне часто вспоминаются Пророк с топором и кулаки озверевшей толпы, но, глянув на синее плечо за дверью, я быстро успокаиваюсь. Знаю: он сторожит меня, чтобы я не сбежала, однако, наверное, не только — еще и бережет от того, что снаружи.

Приходит физиотерапевт, чтобы научить меня жить без рук.

— Сперва будет очень трудно, — предупреждает она. — Возможно, сперва без чужой помощи ты не сможешь, но вскоре освоишься.

Она кладет на пол спортивные штаны и учит меня медленно натягивать их культиями. Руки из-за бинтов толстые, каждое движение отзывается болью в костях, я с трудом затаскиваю пояс на угловатые бедра.

Врач говорит, что, когда швы заживут, мышцы иссохнут и станут тонкими. Тоньше, чем запястья. Будут работать как большие пальцы. И я даже забуду, что когда-то у меня были руки.

Глава 5

Хуанита приходит ко мне в палату, когда я завтракаю — доедаю кашу с тонкими ломтиками клубники. Она говорит, что прошло уже три недели со дня моего ареста и настала пора действовать. Я спрашиваю, что это значит, и она вываливает из пакета на кровать гору одежды. Фабричной, окрашенной в неестественные цвета, каких нет в природе. Я упрямо качаю головой.

— Тогда попроси кого-нибудь, чтобы это постирали. Носишь вещи с самого ареста...

Она тычет пальцем в мою рубашку. Та, что Джуда. Он дал мне рубашку, когда я оказалась у него в хижине после того, как потеряла руки. Воняет, конечно, я и сама чувствую, но забрать не позволю. Это единственное, что от него осталось.